

УДК 821.161.1

ПРАВОСЛАВИЕ И РАСКОЛ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ВЛАДИМИРА ЛИЧУТИНА «РАСКОЛ» И «СКИТАЛЬЦЫ»)

¹Плюхин В.И., ^{1,2}Дувакина Н.М.

¹*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова;*

²*ООО «Книжное издательство «Бригантина», Абакан, e-mail: ninelk@ya.ru*

В работе рассматривается русский религиозный раскол, отраженный в творчестве Владимира Личутина, исследуются причины, истоки и последствия этой трагедии, разъявшей общество на две непримиримые стороны в XVII веке, который, по мнению автора, продолжается и поныне. Показано развитие национально-го самосознания нации, на которое влияют этнические приоритеты. Они обусловлены коллективной идентичностью на базе общности «крови и почвы», его едином историческом прошлом, территории, религиозными воззрениями этнос. Повествователь является посредником между изображенным и читателем, нередко выступая в роли свидетеля и истолкователя показанных лиц и событий.

Ключевые слова: раскол, православие, Никон, царь Алексей Михайлович, Беловодье

ORTHODOXY AND SCHISM (THE WORKS OF VLADIMIR LICUTINA «SPLIT» AND «WANDERERS»)

¹Pljuhin V.I., ²Duvakina N.M.

¹*Khakass state university of N.F. Katanova;*

²*Open Company «Book publishing house» «Brigantina», Abakan, e-mail: ninelk@ya.ru*

The Russian religious split is reflected in the works of Vladimir Licutina, explores the causes, origins and implications of the tragedy, the raz'ávšej society into two irreconcilable sides in the 17th century, which, according to the author, continues to this day. Shows the development of the national identity of a nation, which is influenced by étniče-priorities. They are collective Eden-tičnost'ú based on the commonality of «blood and soil», its common historical past, territorial, religious beliefs and ethnicity. BBC television presenter is a conciliator between the display and reader, often acting as witnesses and istolkovatelâ shown persons and events.

Keywords: split, orthodoxy, Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, Belovod'e

Владимир Личутин впервые в современной прозе обращается к теме русского религиозного раскола – этой национальной драме, что постигла Русь в XVII веке. Роман необычайно актуален: из далёкого прошлого наши предки предупреждают нас, взывая к добру, ограждают от возможных бедствий, напоминают о славных страницах истории российской, когда «в какой-нибудь десяток лет Русь неслыханно обросла землями и вновь стала великою».

Особенность метаисторического романа «Раскол» в том, что за внешней вязью событий в нем то и дело проглядывает пучок протяженных исторических ассоциаций – как бездонная завязь целокупной народной судьбы. Прошедшей, настоящей, будущей [1].

Само православие веками служило составной частью идеологии московского государства, смотревшего на человека, как на ничтожный винтик имперской машины. Трудно найти в Библии хотя бы упоминание о православных праздниках, введенных церковью. Все эти праздники имеют ярко выраженные языческие корни. Христианский философ Георгий Петрович Федотов всегда подчеркивал, что, как культурный феномен, христианство стоит в одном ряду с язычеством. Его уникальность – во Христе и в Евангелии. И именно в этом ключе

следует оценивать каждую цивилизацию, основанную на христианстве, в том числе и русскую.

Русская жизнь никогда не была идиллией и до раскола XVII века, как это вообще невозможно в принципе на земле. И русские князья и даже монахи выступали против друг на друга, строили козни, все отдавая в дань греховным слабостям живого человека. Но эти противоречия и борения были внутри единой системы ценностей, перед лицом единого нравственного идеала и в глубинах совести народной эти проступки всегда верно оценивались как грех. После раскола единая система оценок стала рассыпаться, и уже одно и то же деяние – хоть бы и покушение на жизнь государя – стало одним являться как святотатство, а другим как духовный подвиг.

Расколом принято называть произошедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной Церкви части верующих, получивших название старообрядцев, или раскольников. Это разделение началось в царствование Алексея Михайловича вследствие церковных реформ патриарха Никона и продолжается до сих пор.

Национально-исторический мир романов Владимира Личутина «Скитальцы»

и «Раскол» как память о прошлом, знание, понимание и переживание русской национальной драмы, которая разъяряла общество на две непримиримые стороны в XVII веке. История для него не только осмысление настоящего через прошлое, но и возможность воссоздать утраченные или почти утраченные этические и эстетические идеалы патриархального крестьянства. Повествователь является посредником между изображенным и читателем, нередко выступая в роли свидетеля и истолкователя показанных лиц и событий.

Роль церкви в жизнь российского общества всегда была очень высока. Влияние церкви проявлялось на все стороны духовной жизни общества, семьи, уклада и быта русского народа. В XVII веке церковь тесно сростается с монархическим строем России. Она становится опорой самодержавия, верной слугой и выразителем его интересов.

В русской православной церкви с течением времени накопилось много различий, отступлений от канонов, особенно от греческой церкви, ибо вся религиозная литература писалась и печаталась на древнегреческом языке. С течением времени в русских церковных книгах обнаруживается много ошибок, разночтений, о которых с упрёком говорили иерархи восточной церкви Москвы, а так же некоторые различия в проведении церковных обрядов. Церковно-обрядовая реформа, начатая в 1653 году Никоном с установления единообразия церковного культа по всей стране, распоряжения Никона заставляли делать верующим вывод, что они доселе не умели ни молиться, ни писать икон и что духовенство не умело совершать богослужения как следует.

Когда Личутин в публицистическом выступлении в «ЛГ» говорит об идее спасения России, он опирается на свой собственный опыт художественного письма. Ведь именно эту идею он последовательно проводит и отстаивает во всех своих последних романах – «Расколе», расширенном (после цензурной «правки» былых лет) варианте «Скитальцев», «Миледи Ротман». И, наконец, в книге размышлений о русском народе «Душа неизъяснимая», где он не колеблется вытащить на свет божий давно осмеянную и поруганную русскую мечту, извечное российское моление о Чуде – чуде преображения души и земли, самой судьбы нашей. Издавна именно литература для русского человека – с его склонностью к образному, а не понятийному мышлению – ближайший путь к себе, путь самопознания [2].

Интерес к народной этике и эстетике, наиболее полно отразившийся в уникальном «Ладе» Белова, проливает свет на движение социально-философской мысли во всей прозе того времени. Писатели пытаются передать черты крестьянской жизни с различных точек зрения: этнографической, исторической, нравственной, но все они словно освящены, пронизаны авторитетом Бога и веры. Ведь средневековый русич мог обратиться к миру и людям не непосредственно, а только через отношение к Богу, и художники волей-неволей следуют тем же путём. В их произведениях воскрешается былинный образ народа русского, который все свои великие деяния начинал с Божьего благословения. Апелляция к древней традиции, по мысли авторов, должна способствовать сохранению лучших черт человеческого в человеке. Воссоздание крестьянского лада помогает понять специфику национального русского характера, определить черты русского праведничества. Духовно-утверждающее направление реализма актуализировано романами В. Личутина «Раскол», «Скитальцы», в которых автор создал образ религиозной культуры XVII века.

Однако уже к концу 80-х годов Распутин, а вслед за ним Белов, Личутин осознают, что создали скорее литературную эпитафию ушедшему идеальному миропорядку, чем воскресили его в настоящем

В. Личутин: «Знаете, что меня поразило в том далеком расколе? Цинизм, с которым верхи проводили свои реформы. Как можно было так поступить с народом? Вдруг оказалось, что вся жизнь была прожита не так – и молились не так и не тем святым, и церкви неправильно строили, и носили не то, и ели-пили не так. По признанию государя Алексея Михайловича и патриарха Никона, русские – и не народ вовсе, живший до того семь веков в православии, а какое-то зачумленное стадо, несущее на себе вериги язычества. Все победы народа, все его достижения, схимники, старцы, отшельники, Сергей Радонежский – все, выходит, были ничтожные люди. Реформа перевернула саму сущность жизни [3].

Россия, какой она встает со страниц романа Личутина, – страна особая. Хотя бы в силу особого, небывало протяженного пространства своего

Опыт предков не просто помогает освоить холодные немереные пространства, но делает их теплее, живее. Что-то природное, органическое – с чем так ладно срос-

лось христианство с его соборностью как доминантой православного чувства. И по сей день в наших церквях записок о поминовении подается куда больше, чем записок о здравии. Здравие что ж, вещь телесная. Куда важнее – спасение души. А в деле спасения души нашим предкам обойтись без нас так же трудно, как нам без них.

Русский национальный характер раскрывается автором в процессе самопознания, самооценки, оценки действий противников, осмысления канонов церкви, сущности образа Христа, евангельских заповедей в координатах XVII века.

Один из главных персонажей романа «Раскол» патриарх Никон, правление которого оказалось чреватое катастрофическими последствиями. Главнейшая цель церковного суждения Никона – это победа над светским, боярским, государственным мировоззрением, казавшемуся ему нечистым. Ему было дано исключительное право контролировать даже светское судопроизводство в Новгородской области, что противоречило Уложению 1649 года. В романе часто употребляется по отношению к Никону слово «собинный», т.е. особенный, так как ему удалось добиться высочайшего расположения царя Алексея, который все-таки впоследствии выйдет из под влияния своего «духовного отца».

Личутин в точности описывает исторические события. Вымыслом в романе являются мысли, размышления, раздумья героев.

Корни любого социального или нравственного явления Личутин ищет в своем народе, не спешит взваливать беды на врагов внешних. Его символы света – Донат, Таисья, Елизарий – одухотворены, живут не сегодняшним лишь мгновением, не ради живота своего.

Испокон веков русские люди, мечтая о лучшей жизни, устремлял свой взор на Север. Именно здесь находилась, по мнению многих книжечеев, проповедников и просто мечтателей, благословенная страна, сравнимая разве что с земным раем.

Наиболее известна северорусская легенда о Беловодье. В «Скитальцах» сделана художественная попытка возродить старую крестьянскую утопию, представить ее тогда уже возрожденной. Это метафора о счастье, о том, какой бы была русская крестьянская нация без раскола на господ и слуг и почему она могла погибнуть.

Жива в народе вера в существование райской земли, которая лежит меж Камнем и Великой рекой, Беловодье, которую обо-

сновали ревнители старины с Мезени и Печоры, боясь Никоновых новин, страданий и угроз, где все духовные братья, она, эта вера, крепит, помогает претерпеть горести и несчастья каждого дня.

Но возражает этому Тимофей Ланин герой более раннего романа «Последний колдун»: «Я не против вашей веры (староверческой), но мне жалко, что и ваша вера неискренна, она на страхе построена, на крови...».

Острая социально-значимая конфликтность суждений о родине разворачивается в спорах самозванца Симагина и апостолов Беловодья («Скитальца»). Утверждение Симагиным «Я – Бог» – есть «символическое сжигание «я», осознание тождества личного и внеличного», «человекобожие», «сращение идеи и образа» [4, с. 125]. Но однако писатель не отрицает возможности самоутверждения человеческой личности. Симагин обвиняет апостолов в том, что они «не только родину разменяли, но и Бога позабыли. Во оныя последние испытания невозможно единому двоится, но каждый должен к единой стороне прислониться» [5, с. 395].

В этих словах слышится авторская концепция действительности. Они совпадают с мыслями Никона в романе «Раскол».

Никон в спорах с царем утверждает, что он «живой образ самого Христа». Базовый принцип национального самосознания выражен в его слове-монологе: «Оттого и согласья нет на Руси, что всяк про себя толкует, блудя по Писанию, всяк власти хочет» [6, с. 241].

Исправление книг и обрядов по греческим текстам – одно из основных дел Никона. Он уничтожил иконы, так называемого франкского письма, троеперстие, заменил русские чины греческими, также покрой и формы наружной одежды духовенству и монашеству.

В новых церковных установлениях Никона раскольникам виделось посягательство на то скромное духовное «имущество», которым владели испокон веков. Оно шло как бы вослед постепенному закреплению крестьянства и оживлялась, усиливалась боль от него [7].

Подача автором своего голоса в моменты столкновения мнений определяет состояние души исторической личности, исторического лица, исторической фигуры, исторического героя и соответственно раскрывает их моральные качества, их ценность для народа. Он как бы подсказывает герою ту или иную норму поведения в мо-

мент спора: «..Эх, простая душа, позабыл вовсе, что трезвость ума и сердца в краткости слов. Хоть запнись, но удержи в себе последнюю мысль, ибо она может стать лишней».

«Церкви, на мой взгляд, нужно повиниться перед староверцами, признать, что у русского народа и в далёком прошлом была своя великая культура, которая и стала фундаментом православия. Ведь на мхах и трясине не выстроить величественного здания, рухнет; и если стоит православие уже тысячу лет, значит, у него в народе были крепкие «стулци» [8].

Самым замечательным и самым известным русским писателем 17 века Дмитрий Сергеевич Лихачев назвал протопопа Аввакума, главного идеолога старообрядчества, свыше шестидесяти произведений которого, не считая знаменитого «Жития», было написано в Пустозерской ссылке, в том самом «земляном гробу», в котором он провел последние 15 лет своей жизни. К началу 60-х годов он выступил в роли пророка-обличителя, раба и посланника Иисуса Христа, сын крестьянской семьи.

«Миленькие мои!. Аз сижу под спудом-тем засыпан. Нет на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном, да в руках четки, тем от бесов боронюся».

«Ох, светы мои, всё мимо идет, токмо душа вещь непременно» [9].

Значение личности и творчества пламенного идеолога старообрядчества было глубоко лично воспринято и оценено многими писателями XX века. В споре Аввакума с Никоном Личутин-мыслитель скорее на стороне Аввакума. Но в самом-то романе, в его живой плоти все выглядит сложнее, «диалогичнее». «Полифоничность» в той или иной степени – общее свойство реализма.

Аввакум, «святой грешник, жадельщик, ревнитель и устроитель всеобщего счастья», – все они воплощают эстетический идеал писателя Личутина, историка и бытописателя. Им противопоставляется страстными суждениями о родине, Боге, вере самозванец Симагин, который объявляет себя «Богом всея земли». Из доклада Бекендорфа: «...Симагин отвергает Христа Спасителя, предлагает уничтожение веры христианской, расстраивает все связи гражданские и проповедует свободу состояний. Мы находим в его бумагах новые катехизисы, наставления священникам, воззвания к народу...».

Мучают сомнения Доната Богошкова: «И у всех-то Бог: все под прикрытием Бога

грешат и ради него страдают. За кем правда? Если был бы Иисус великим человеком и искупителем, разве потерпел бы он, чтобы из-за него страдали? Ведь нет большего мучения душе, когда знаешь, что из-за тебя несчастен человек. Что за радость, что за удовольствие Богу в том?» [5].

Ему вторит Тимофей Ланин герой более раннего романа «Последний колдун»: «Я не против вашей веры (староверческой), но мне жалко, что и ваша вера неискренна, она на страхе построена, на крови. У вас там как: страх господен – слава и честь, и веселие, и венец...» [10, с. 509].

«Говорят, бог все видит, но попускает, медлит, он дает шанс исправиться, образумиться. Но как долго будет досматривать, где его справедливая кара, где вышний праведный суд? Стоит ли вера на крови?..» [11, с. 271].

Труд и долготерпенье, желанье русского человека видеть живого Бога, жить для грядущего – таковы ценности, утверждаемые автором и его героями.

«Да нет, нет, я уверен, что мир весь соткан из чуда... И как бы мы ни хорохорились, не называли себя владыками, а все одно – похожи на того одинокого человека с керосиновым фонарем, разглядывающего в потемках с суеверным испугом углы и тайки матери-природы, но Берущего с неизбывной верою в затаенное, грядущее чудо», – отмечает автор [11, с. 271].

Русский, славянский характер раскрывается в романах как синтез конкретных выражений, как психологическая закономерность при рассмотрении множества этнически близких индивидуальностей. Он формируется под воздействием социально-экономической и культурно-исторической действительности, под влиянием этнических факторов, природной, в частности, северной географической среды.

В характерах поморов Калины Богошкова, Созонта Васюкова («Раскол»), скитальца Доната Богошкова, его крестового брата Якова Шумова, Тайки («Скитальцы») автор всегда выделяет нравственное начало, возвеличивает личностную самооценку человека из народа, который выделяет две главные заботы у человека: «ладно жениться да вовремя помереть, чтобы самому не настрадаться да людей не напозорить, не ввести в тягость и расходы» [11, с. 271].

Философ Г.П. Федотов был уверен, что все благие усилия и творческие достижения человека не пропадают – они преобразуются и сложатся, как камни в стены Вечного Града. С этим философским настроением он опи-

сывает историю русской святости, русскую православную культуру, выявляя в них древние тенденции, сказывающиеся на современной жизни, рассматривает многие проблемы в судьбе России XX века, противоречивую роль русской интеллигенции.

«Раскол, хотя вначале выступает в защиту божественных и неизменных форм церкви против всяких человеческих нововведений, но бессознательно постепенно удаляется от божественного содержания церкви, растворяя широкие ворота всякому человеческому произволу и личному мудрованию» [12].

По словам Бердяева, «религиозный раскол не был вызван исключительно обрядовиерием русского народа». В расколе была и более глубокая историософическая тема. Вопрос шел о том, есть ли русское царство исконноправославное. В народе проснулось подозрение, что Москва-Третий Рим-столица Православного Царства повредилась, произошла измена истинной вере. Государством и Церковью овладел антихрист. Народное Православие разрывает с иерархией и церковью. Истинная Православная церковь уходит под землю. С этим связана легенда о граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет град Китеж [13].

Раскололась и разбеднилась не только Церковь, но и сама Святая Русь, сам народ, сама русская душа. Причиной этому послужила нужная, но неумело и не во время проведенная реформа. Людям не объяснили и не показали необходимость данной реформы Церкви, поэтому народ увидел в этом измену исконной отеческой вере, приход антихриста, конец Православной Руси.

По словам Георгия Флоровского «совсем не «обряд», но «антихрист» есть тема русского раскола».

Власть может пойти на многое, но не на отрицание самой себя. Никон ждал уговоров, но «патриархи посовещались между собою и объявили приговор: – Отселе не будешь патриархом, но будешь яко простой монах!»

Автор «Раскола» как бы соболезнует всем троиц: Никону, царю и Аввакуму. Это можно понять как соболезнование России.

Наиболее существенно на уровень национального самосознания нации влияют этнические приоритеты. Они обусловлены коллективной идентичностью на базе общности «крови и почвы», его едином историческом прошлом, территории, религиозными воззрениями этноса, являющиеся одним из значительнейших факторов менталитета

народа и связанные с его мировосприятием в контексте мировой цивилизации, что и показано в романах Личутина «Раскол» и «Скитальцы».

В спорах противников раскрывается колоссальная сила страдания и радости, печали и ликования русского человека, разлад в душе, «несогласие и нестроение», «сумятица чувств», готовность умирать за единую букву «аз»!

Такое противопоставление в «духовном реализме» В. Личутина становится законом человеческого существования, его естественной природой, выявлением его сущности, пиком художественной мотивировки сущности бытия и человеческого характера.

Поиск пути к жизни с Богом и есть скрытая пружина нашей истории. В неумных поисках Бога (чего-то иного, чем проза текущей жизни, лучшего, совершенного, прекрасного, нездешнего) и распласталась Россия по обе стороны света. И созидали ее в первую голову те, кого томила духовная жажда.

Раскол как народно-исторический, социально-религиозный конфликт, проявленный через характеры апостолов, учителя Громова, Таисии и Улиты Егоровны, Доната Богошкова, Федора Мезенца, Лазаря и Епифания, их страстей, интересов, мученичества, как выражения идеи трагического, открывает противоречия русской души, создает лицо эпохи, показывает антифеодальные тенденции раскола-старообрядчества.

Список литературы

1. Архипов Ю. Русское слово о русской душе // Советская Россия. – 2005. – №39.
2. Большакова А. Феноменология литературного письма // Литературная газета, 2003. – № 3-4.
3. Чуянова Э. Россия вам не поможет! // Час. – 2001. – №48.
4. Теория литературы в: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т.2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 125.
5. Личутин В.В. Скитальцы. – Кн. 2. – М., 1994. – С. 395.
6. Личутин В.В. Раскол. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 241.
7. Архипов Ю. «Раскол» Владимира Личутина и осколки истории // Москва. – М., 2000. – №3.
8. «Писатель Владимир Личутин: «Кому Россия не мать, тому и Бог не отец» // Ежедневная электронная газета «Файл-РФ». 10 февраля 2012 г.
9. Литературное наследие Русского Севера // <http://writers.aonb.ru/map/project.htm>.
10. Личутин В.В. Последний колдун: Повести. – М.: Современник, 1980. – С. 509.
11. Личутин В.В. Домашний философ: Повести. – М.: Современник, 1983. – С. 271.
12. Соловьев В.С. О русском народном расколе, соч. в 2 т. – М., 1989, т. 1.
13. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19-н. 20 в. // О России и русской философской культуре (философы послеоктябрьского зарубежья): в сб. – М., 1990.